

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 168: 316.74: 930.85

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-74>

«МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ» ПОЛА ФЕЙЕРАБЕНДА И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО В ПОЛИТАРНУЮ ЭПОХУ¹

В. Ю. Васечко

Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, Екатеринбург, Россия
e-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяется важностью осмысления и теоретической экспликации истоков и форм специфически научного познания объективной реальности, которые зарождались в цивилизациях древнего и средневекового Востока (древние Египет и Вавилон, древние и средневековые Индия и Китай, средневековый арабо-мусульманский Восток), обобщенно обозначаемых в статье как «политарные общества». Цель статьи – показать возможность и эффективность приложения концепции так называемого «методологического анархизма», разработанной американским философом Полом Фейерабендом (1924–1994), к эпистемологической деятельности, имевшей место на протяжении порядка трех тысячелетий в социумах политарного типа. В качестве основного метода исследования использовано восхождение от абстрактного к конкретному: от абстрактно-обобщенной дескрипции провозглашенных Фейерабендом методологических принципов автор переходит к конкретным реалиям эпистемологического дискурса политарной эпохи, демонстрируя релевантность этих принципов в данном измерении и плодотворность освещения политарной науки в указанном ракурсе. В качестве опорных столпов исследования выбрано три принципа-девиза Фейерабенда: 1) «Оставьте науку ученым!»; 2) «Все дозволено!»; 3) отделение науки от государства. В качестве вспомогательного метода выступает единство логического и исторического: конкретно-исторические особенности естественно-научной и математической работы в условиях политаризма предстают как более или менее выраженные индивидуализированные спецификации тех общих, универсальных критериев научной деятельности, которые пытается логически реконструировать современная философия науки и которые (как не уставал показывать Фейерабенд) пока что весьма далеки от совершенства. В результате проведенного исследования сделаны выводы, обладающие новизной. Во-первых, обоснована сама возможность успешного применения концептов, разработанных Фейерабендом на материале истории западной науки, далеко за пределами той социокультурной сферы, с которой непосредственно имел дело американский мыслитель. Во-вторых, продемонстрировано, что те причины, которые обеспечивали, с одной стороны, успех научно-когнитивного поиска, а с другой, тормозили его и вредили ему, были, по сути, однотипными и на европейском континенте, и на политарном Востоке. В-третьих, показано, что именно обретение исследовательским сообществом субъектности, права самостоятельно формировать когнитивные приоритеты, является условием получения значимых научных новаций, причем условием, работающим в любой культуре и в любую эпоху – от древности до современности. Практическое значение проведенной автором статьи работы видится в том, что создается методологическая база для более строгой демаркации между понятиями «наука» и «прото- (пра-, до-) наука» и для квалифицированных теоретических и нравственных оценок того интеллектуального и творческого труда, который был проделан в свое время учеными древнего и средневекового Востока.

Ключевые слова: Фейерабенд, политаризм, эпистемологический дискурс, методологический анархизм, философия и методология науки, древний и средневековый Восток.

Для цитирования: Васечко В. Ю. «Методологический анархизм» Пола Фейерабенда и эпистемологиче-

¹ Основные тезисы данной работы были впервые доложены нами на научной конференции, состоявшейся в Уральском федеральном университете: III Пивоваровские чтения «Синтетическая парадигма» (Екатеринбург, 3 ноября 2023 г.).

Original article

**PAUL FEYERABEND'S «METHODOLOGICAL ANARCHISM»
AND THE EPISTEMOLOGICAL STATUS OF THE SCIENTIST'S ACTIVITY
IN THE POLITARY AGE**

V. Yu. Vasechko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
e-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Abstract. *The relevance of the article is determined by the importance of comprehension and theoretical explication of the origins and forms of specifically scientific cognition of objective reality, which originated in the civilizations of the ancient and medieval East (ancient Egypt and Babylon, ancient and medieval India and China, the medieval Arab-Muslim East), generally designated in the article as “politary societies”. The purpose of the article is to show the possibility and effectiveness of applying the concept of the so-called “methodological anarchism” developed by the American philosopher Paul Feyerabend (1924–1994) to the epistemological activity that took place over the course of about three millennia in societies of the politary type. As the main method of research, the author uses the ascent from the abstract to the concrete: from the abstract generalized description of the methodological principles proclaimed by Feyerabend, the author moves on to the concrete realities of the epistemological discourse of the politary epoch, demonstrating the relevance of these principles in this respect and the fruitfulness of the coverage of politary science from this perspective. Three principles of Feyerabend's were chosen as the supporting pillars of the study: 1) “Leave science to scientists!”; 2) “Anything goes!”; 3) separation of science from the state. The unity of the logical and the historical acts as an auxiliary method: the concrete-historical features of natural-scientific and mathematical work under the conditions of politarism appear as more or less pronounced individualized specifications of those general, universal criteria of scientific activity which modern philosophy of science tries to logically reconstruct, and which (as Feyerabend never tired of showing) are still very far from perfection. As a result of the study, the author draws conclusions that have a novelty. First of all, the very possibility of successful application of the concepts developed by Feyerabend on the material of the history of Western science, far beyond the socio-cultural sphere with which the American thinker directly dealt is substantiated. Secondly, it has been demonstrated that the reasons that ensured, on the one hand, the success of scientific and cognitive research, and, on the other hand, hindered it and harmed it, were, in fact, of the same type both on the European continent and in the politary East. Thirdly, it is shown that it is the acquisition by the research community of subjectness, the right to independently form research priorities, that is the condition for obtaining significant scientific innovations, and a condition that works in any culture and in any era - from antiquity to the present. The practical significance of the work carried out by the author of the article is seen in the fact that a methodological basis is created for a stricter demarcation between the concepts of “science” and “proto- (pre-) science” and for qualified theoretical and moral assessments of the intellectual and creative work that was done by scientists of the ancient and medieval East.*

Key words: *Feyerabend, politarism, epistemological discourse, methodological anarchism, philosophy and methodology of science, ancient and medieval East.*

Cite as: Vasechko, V. Yu. (2024) [Paul Feyerabend's «methodological anarchism» and the epistemological status of the scientist's activity in the politary age]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 74–88. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-74>.

Введение

Одной из актуальных проблем современной истории и философии науки является концептуализация и экспликация той научно-познавательной деятельности, которая на протяжении многих веков

имела место в цивилизациях древнего и средневекового Востока (древние Египет и Вавилон, древние и средневековые Индия и Китай, средневековый арабо-мусульманский Восток), за которыми все более закрепляется название *политарных социумов*².

² Данный концепт, фигурирующий в работах выдающегося отечественного философа Ю. И. Семенова [21] (недавно, к сожалению, скончавшегося), подробно разработан, в частности, в нашей монографии [7] и ряде статей, например [8].

Относительно эпистемологической ценности и статуса той огромной работы, которая была проделана учеными, чьи имена часто так и остались неизвестными, в академической литературе нет консенсуса. Несмотря на обилие фактического материала, открытие, перевод, публикацию и комментирование все новых текстов, среди философов и эпистемологов (как зарубежных, так и отечественных) сохраняется довольно консервативное восприятие науки традиционного Востока и нежелание пересматривать устоявшиеся стереотипы, отличающиеся порой чересчур снисходительным, пренебрежительным, а то и откровенно нигилистическим отношением к ее достижениям. Такую ситуацию, по нашему мнению, нельзя считать нормальной, и в том, что она нуждается в переосмыслении и в серьезной корректировке, нет сомнения. Такое концептуальное отставание философско-эпистемологической теории от конкретно-исторической и частнонаучной эмпирии должно быть преодолено.

Однако следует с оптимизмом констатировать, что уже налицо все более решительные и все более последовательные попытки модернизировать старые концепции, истоки которых уходят в те времена (примерно XVIII–XIX века), когда на Западе мало что было известно о занятиях интеллектуалов на древнем и средневековом Востоке – Ближнем, Среднем и Дальнем. Одним из подходов, который предполагает достаточно широкий взгляд на то, чем является наука вообще, в каких конкретных формах может реализовываться научно-исследовательская деятельность и к каким ее результатам приложим эпитет «научные», является *постпозитивизм*. Хотя непосредственно труды ученых-естествоиспытателей Востока (астрономов, математиков, механиков, врачей и т. д.) не становились, как правило, предметом рефлексии мыслителей-постпозитивистов, сама их методология имплицитно предполагала включение анализа деятельности этих ученых в сферу не только истории науки, но и ее философии, психологии, социологии и др.

Одной из самых ярких фигур постпозитивистского философско-научного дискурса второй половины XX века является американский философ *Пол Фейерабенд* (1924–1994), столетие со дня рождения которого ныне отмечается. Его неординарные, нонконформистские и часто эпатажные выступления неизменно привлекали к себе внимание, причем далеко не одних профессиональных философов, и имели большой резонанс в самых широких на-

учных и околонучных кругах. Разработанная им концепция так называемого «*методологического анархизма*», не получив поддержки со стороны признанных мэтров западной философии науки, инициировала, тем не менее, ряд острых академических дискуссий, продолжающихся и по сей день. Естественно, адекватная оценка идей Фейерабенда и в целом его подхода к сущности и смыслу того, что есть наука, требует и апробации его методологии применительно к новым эпистемологическим конструктам и предметам, вплоть до тех, которыми сам философ непосредственно не занимался. В соответствии с этим, *целью* настоящей статьи будет *показать возможность и эффективность приложения концепции «методологического анархизма» к эпистемологической деятельности, имевшей место на протяжении порядка трех тысячелетий в социумах политарного типа.*

Сразу же подчеркнем, что, жестко и порой излишне резко оппонирова своим современникам и коллегам, работавшим над проблемами логики и методологии научного исследования (Р. Карнап, К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун, Х. Патнэм, Дж. Агасси и др.³), сам Фейерабенд выстраивает свою концепцию на материале истории европейской науки, редко обращаясь к иным когнитивным традициям и иным культурам. Его энергичные призывы разрушить демаркационные линии между наукой в собственном смысле слова и всем тем, что обычно зачисляется в разряд «не-», а то и «анти-науки» (мифология, религия, магия, народное целительство, искусство и пр.), не сопровождаются обращением к тем конкретным данным, которые описывают эпистемологический (естественно-научный и математический) дискурс за пределами европейского континента. Тем интереснее и тем ценнее с эвристической точки зрения будет проследить, как работают его методологические установки применительно к науке социумов политарного Востока.

А была ли на Востоке наука?

Несмотря на большое число исследований историко-научного характера, относящихся к древним и средневековым восточным цивилизациям, отношение к их научным достижениям среди философов и эпистемологов науки остается довольно скептическим. Правда, мало кто, например, из отечественных авторов открыто апеллирует к Ф. Энгельсу, но учебные курсы по истории и философии науки, читаемые аспирантам и магистрантам, вполне вписываются

³ Здесь не будет лишним указать некоторые источники, в которых отражена напряженная полемика Фейерабенда с его соратниками по цеху, в частности: с Дж. Агасси [31], Х. Патнэмом [35, с. 113–126], И. Лакатосом [34], Э. Геллером [32], Т. Куном [33].

в его дефиниции⁴. История науки, согласно действующим рабочим программам, начинается не ранее, как с греческой античности, а об арабо-мусульманской науке средневековья имеется лишь беглое упоминание. Даже в капитальных трудах с многообещающими названиями типа «Наука в ее истории: взгляд философа» [9] изложение благополучно обходится без попыток выяснить значение тех обширных естественно-научных и математических изысканий, которые велись на Востоке.

Такой нигилизм часто выражается даже терминологически, когда *наукой* в собственном смысле считается только то, чем занимались европейские ученые, причем (по мнению некоторых), начиная лишь с Коперника, Кеплера и Галилея. «Донаука», «преднаука», «пранаука», «протонаука» – эти и им подобные термины с уничижительными префиксами применительно даже к ранним цивилизациям вызывают недоумение и несогласие у тех, кто более или менее знаком с реалиями и духовной жизнью этих обществ. Кстати, среди прочих подсистем культуры именно наука оказалась в таком странном и невыгодном положении. По отношению к другим атрибутам цивилизации этот вопрос ни у кого не возникает: иероглифы и клинопись не объявляются «протописьменностью», хотя их отличие от алфавита и многие недостатки по сравнению с ним налицо; египетскую и индийскую скульптуру, при всех ее особенностях по сравнению со скульптурой греческой и новоевропейской, не называют «предскульптурой», индийский и китайский театр – «пратеатром», древнюю музыку этих стран – «прамузыкой», а их искусство вообще – «праискусством». Вот только их науку до сих пор никак не поворачивается язык у многих авторов назвать просто «наукой».

Иногда веско указывается на то, что между до-научным уровнем нашего знания и уровнем собственно научным не могло не быть переходного периода, некоего буферного, межуточного состояния, и в этом смысле термин «протонаука», конечно, имеет право на существование (равно как и термины «протописьменность», «протофилософия», «протомораль» и т. п.). Никто не утверждает, что наука возникла однажды сразу и целиком, одномоментно, как Минерва из головы Юпитера. Этого не было ни на Западе, ни на

Востоке. Но вряд ли стоит, основываясь на данной посылке, отодвигать возникновение науки лишь к XVI – началу XVII вв., к тому времени, когда сформировались экспериментальное естествознание, математическая физика и вообще то, что получило название ньютоновско-галилеевской картины мира. Рассуждая так, можно прийти к отрицанию статуса научности, например, за всеми теми сегментами эпистемологического дискурса, которые ограничиваются абстрактно-теоретическими построениями и не ставят непосредственной целью выход на эмпирию и чувственно-материальную верификацию. При таком взгляде даже многие современные математические дисциплины окажутся «за бортом науки», разделив здесь, впрочем, участь штудий значительной части китайских, индийских и арабских математиков (к немалой, добавим, чести для последних).

Весьма странным выглядит отрицание существования на политарном Востоке науки на фоне давно прижившихся в академическом обиходе выражений типа «Точные науки в древности», «Математика в древней Индии», «Математика Древнего Китая», «Шумеро-вавилонская математика» (мы приводим названия классических монографий О. Нейгебауэра, А. И. Володарского, Э. И. Березкиной и А. А. Ваймана)⁵. Ненормальность такого положения фиксируется не только специалистами-востоковедами, но и некоторыми авторитетами из числа тех, кого сейчас относят к направлению постпозитивизма, и потому те критерии, которые они считают обязательными для квалификации некоторого когнитивного процесса именно как научного, выходят далеко за рамки науки новоевропейской. Так, очевидно, что, когда М. Полани заявляет, что «... в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности и ... эта добавка не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания», что «Страстность ученого, делающего открытие, имеет интеллектуальный характер, который свидетельствует о наличии интеллектуальной, и в частности научной ценности» и что утверждение этой ценности есть неотъемлемая часть науки [17, с. 19, 196], это будет относиться в том числе и к исследованиям и достижениям древних ученых, и не только ученых греческих, как нередко утвержда-

⁴ «Современное естествознание, – единственное, о котором может идти речь как о науке (курсив наш. – В. В.), в противоположность гениальным догадкам греков и спорадическим, не имеющим между собой связи исследованиям арабов, – начинается с той грандиозной эпохи, ... которая создала в Европе крупные монархии, сломала духовную диктатуру папы, воскресила греческую духовность» [31, с. 508] и т. д. Если во времена, когда в Европе не были известны ни вавилонская математика и астрономия, ни трактаты Бируни, ни достижения китайских ученых, данная точка зрения имела еще свое объяснение, то теперь она вряд ли может восприниматься всерьез.

⁵ «Да, науки на Востоке были, а вот Науки не было!» – таким каламбуром можно выразить позицию большой группы авторов-эпистемологов. Нам представляется, что за этой остроумно-парадоксальной, по видимости, формой скрывается не столько глубокое содержание, сколько непроработанность, аморфность и амфиболичность используемых понятий, элементарное нарушение закона тождества и формально-логическое противоречие.

ется. А когда С. Тулмин решительно возражает против отождествления «рациональности» с «логичностью» и подчеркивает, что «Рациональность науки воплощается не в теоретических системах, распространенных в определенный период времени, а в процедурах научного открытия и концептуальных изменений, действующих на всем протяжении времени» [25, с. 97], то это вполне будет характеристикой и исследовательских практик средневековых интеллектуалов типа аль-Фараби, Бируни или Омара Хайяма.

Так что совсем не будет неожиданным, если мы обнаружим немалый эвристический потенциал и в максимах Пола Фейерабенда, когда попытаемся в их свете взглянуть на науку политарного общества. Такая экстраполяция будет тем более правомерной, что и сам американский философ приветствовал подобное стирание граней и, более того, считал это одним из непереносимых условий формирования благоприятной атмосферы для плодотворного и результативного научного поиска.

Справедливости ради следует признать, что ссылки на культуру стран Востока и вообще незападных стран и народов у Фейерабенда немало. Много и уважительно отзывается он, например, о традиционной китайской медицине и призывает более внимательно, без скепсиса и нигилизма, относиться к космогонии индейцев хопи и мифологии и практикам африканских колдунов. Однако, если говорить именно о *естественной науке* за пределами Европы и Северной Америки, то упоминаний такого рода у философа совсем немного. Да, он вслед за Б. Л. ван дер Варденом и О. Нейгебауэром подчеркивает, что нелепо исключать из истории науки древнюю ближневосточную астрономию и математику только из-за того, что она слишком тесно соприкасается с мифологией, религией и астрологией⁶. Да, он ссылается на работы выдающегося британского сиолога Джозефа Нидэма, автора и редактора капитального многотомного проекта «Наука и цивилизация в Китае» – правда, в основном, лишь когда речь заходит о китайской медицине [26, с. 295; 28, с. 430, 434–435].

Но, солидаризируясь, в принципе, с мнениями тех,

кто скрупулезно и специально, с непереносимым обращением к первоисточникам изучает естествознание в политарных социумах, сам Фейерабэнд не углубляется в детали того, что же представляла собой традиционная наука в Египте, Вавилоне, средневековом мусульманском Востоке и других азиатских регионах, ограничиваясь здесь лишь отдельными отрывочными замечаниями. Мы не найдем у него работ, где бы феномены, связанные с этой наукой, разбирались столь же дотошно, как теория движения Аристотеля или теория импетуса, ее средневековая версия, диалоги и события из жизни так любимого им Галилея или перипетии, связанные с историей квантовой механики. Поэтому вопрос, насколько эффективно работают его «анархистские» эпистемологические установки, когда мы экстраполируем их на занятия астрономов и математиков, которым выпало жить в условиях политаризма, далеко не тривиален.

«Оставьте науку ученым!»⁷

Фейерабэнд категорически против разграничения науки на ее *историю*, когда изучаются различные внешние обстоятельства, сопровождающие и обрамляющие деятельность познающего субъекта («контекст открытия»), и ее *философию*, когда задним числом выстраиваются различные спекулятивные схемы, претендующие на объяснение уже состоявшегося когнитивного акта, и вообще правила и методы, необходимые якобы для любой успешной исследовательской работы («контекст оправдания»): «... Для науки равно важны обе стороны альтернативы и им следует придавать равное значение... Мы имеем дело не с той или иной альтернативой, а с некоторой единой областью действий, которые все в равной степени важны для роста науки» [27, с. 309].

Наука, если мы ее берем не как «корпус знаний» и не как набор застывших формул, а как живую деятельность живых, креативных, заточенных на познание людей, является прежде всего частью истории, и попытки загнать ее в некие априорные, пусть и изящные и весьма презентабельные логические кон-

⁶ «Большая часть исследователей египетской, вавилонской и древнегреческой астрономии ... проявляет интерес лишь к тем фрагментам древних концепций, которые согласуются с идеологией современной науки, и пренебрегают древними космологиями и теми целями, которые объединяли эти и другие фрагменты в выразительную и впечатляющую целостность ... Единственное исключение представляет работа Б. ван дер Вардена, в которой он пишет: «В этой книге мы рассматриваем историю вавилонской астрономии и ее взаимоотношения с религией и астрологией. Этот метод позволяет нам не отрывать астрономию от того культурно-исторического контекста, которому она принадлежит» [27, с. 355 (прим.)]. См. другие упоминания Фейерабенда о ван дер Вардене: [28, с. 440, 447], а также о Нейгебауэре: [28, с. 450].

⁷ Вот как сам философ описывает причины, которые подвигли его в 1970-х гг., в период работы над книгой «Против метода» (в русском переводе – «Против методологического принуждения»), к этому призыву: «Я писал ПИМ ... отчасти для того, чтобы защитить научную практику от господства философских законов. Усвоив Эрнста Маха и изучая физику у Ганса Тирринга и Феликса Эренхафта, я пришел к твердому убеждению, что научная работа сама себе служит обоснованием и не нуждается ни в каком внешнем оправдании. Меня раздражали люди, не имевшие ни малейшего представления о сложности научного исследования и, тем не менее, полагавшие, будто они знают, как внести в него улучшения. Я считал себя кем-то вроде научного либерала, и моим боевым лозунгом было: «Оставьте науку ученым!»» [28, с. 420].

струкции ни к чему хорошему не приведут: «Попытка навязать некую универсальную истину (универсальный способ нахождения истины) приводит к бедствиям в социальной сфере и к бессодержательному формализму, соединенному с невыполнимыми обещаниями, в естествознании» [28, с. 81].

Обращаясь к той социально-политической, религиозной и бытовой конъюнктуре, в которой приходилось работать ученым эпохи политаризма, мы, действительно, обнаруживаем, что оперирование готовыми априорными схемами для описания их деятельности чревато не только непониманием ее смысла, но и неспособностью объяснить, каким образом приходили эти люди к весьма поразительным результатам. Например, вавилонские вычислители составляют подробнейшие клинописные таблицы с высокими степенями чисел 2 и 3, доходящими, соответственно, до 10- и даже 17-значных (!) чисел, а также таблицы обратных значений, где аргументами выступают шестизначные числа (которые в пересчете на десятичную нумерацию будут вообще 9- и 10-значными!). Составление таких таблиц, требуя значительных интеллектуальных усилий, явно не диктовалось потребностями тогдашней повседневной практики, и потому выглядит с современной точки зрения совершенно бессмысленной тратой времени⁸. Но не только в сугубо экстерналистской, но и в интерналистской интерпретации эти таблицы выглядят нонсенсом или, как минимум, чужеродным аксессуаром, ибо остаются непонятными их функция в познавательном процессе и характер тех эпистемологических задач, решению которых они могли бы служить.

Зато, как только мы отказываемся от поисков доступной *нашему* узкому пониманию функциональности и допускаем, что мотивом таких трудоемких экзерсисов могло быть просто желание поупражнять свои мозги, показать коллегам, на что ты способен, или вместе с ними из чисто спортивного интереса добиться максимальной точности вычислений, то создание таких таблиц уже не будет чем-то странным и загадочным. Не будет оно таковым и, если мы предположим, что вычислителей субъективно стимулировало стремление постичь волю какого-либо божества, использовав для того оказавшиеся в их распоряжении матема-

тические инструменты (возможно, попавшие к людям по его же инициативе и с целью приоткрыть для них свою сущность). Вписывание этих таблиц как артефакта в некоторый осмысленный культурный контекст должно предполагать, в первую очередь, знакомство с духовным миром их создателей, который реконструируется на основании весьма широкого круга источников, среди которых собственно математические тексты наверняка займут не самое ведущее место.

Однако пафос данного фейерабендовского лозунга имеет еще одну сторону, если мы будем говорить не о новейших конструктах типа фальсификационизма Поппера или научно-исследовательских программ Лакатоса (в которые никак не вписывается практика вавилонских астрономов или арабских математиков), а о тех религиозно-мифологических «онтологиях», которые доминируют в самих политарных социумах. Та религиозная картина мира, которая сложилась в данном социокультурном хронотопе, также играет роль «некой универсальной истины», с которой призвано сообразоваться всякое знание, включая эмпирическое. Поэтому ученый, если он не желает низвести себя до роли заурядного комментатора, в очередной раз подтверждающего ныне действующее священное писание, должен действовать достаточно изобретательно и хитроумно – примерно так, как вел себя в похожих обстоятельствах Галилей, чтобы убедить и церковь, и общество в правильности своих теорий.

В рамках нашей темы стоит отметить, что аналогично действует шестью веками ранее и Бируни, защищающий право ученого на получение опытного знания и ценность последнего, но видящий при этом, что оно легко может войти в конфликт с сакральными догмами. Чтобы избежать лобового столкновения с тогдашними блюстителями чистоты религиозных истин, в котором исход был легко предсказуем, он идет косвенным путем: обращает внимание читателя на различные несообразности неисламских вер. Он критикует нелепые запреты иудейских раввинов, которые ссылаются на свой календарь, основанный на Моисеевом Пятикнижии, пронизательно видя здесь замуфлированный социальный заказ, ставящий барьеры на пути свободного исследования⁹. Он иронизирует по

⁸ «Цель составления степенных таблиц выяснить не удастся», равно как и цель приводимого древним автором алгоритма для образования обратных величин, мало пригодного для практических вычислений, – констатирует А. А. Вайман [6, с. 65, 67]. А. О. Нейгебауер поражается упорству, аккуратности и точности работы древних вычислителей, признаваясь, что сам совершил гораздо больше ошибок при проверке вычислений на клинописных табличках, чем их было в оригиналах. Зато, встречая некоторые огрехи, современный автор включается в единый когнитивный дискурс с авторами древними и лучше понимает ход их мысли: «Зачастую ошибки в тексте бывают очень полезны, потому что они являются одним из средств для установления подробностей процедуры счета, которой придерживался древний вычислитель» [16, с. 42–43].

⁹ «... Это только тенета и сети, которые жрецы расставили, чтобы уловить [простых людей] и подчинить их себе. [Они добились того], что люди ничего не предпринимали несогласно с их мнением и пускались на какое-нибудь дело только по их предначертаниям, не советуясь с кем-либо другим, словно эти жрецы, а не Аллах – властители [мира]» [5, с. 180].

поводу «всевозможных обманов и внушений» псевдо-эмпирического характера, к которым прибегают служители христианства ради прославления креста (типа утверждений, будто кресты в созвездии Дельфина и на разрезе дерева пионии появились лишь во время казни Иисуса) [5, с. 326–327]. Он опровергает чудеса, описываемые в житиях христианских святых, и высмеивает причуды и фантазии индийских мифов вместе с учением о переселении душ, как не согласующиеся с данными повседневного опыта (совпадающего здесь с опытом научным и элементарным здравомыслием)¹⁰.

Общий подтекст этих усилий Бируни очевиден – он совершенно тот же, что эксплицирует Фейерабенд: *оставьте науку ученым!* Не втискивайте ее в колодки метафизических конструкций, не имеющих ничего общего с тем, что говорят нам органы чувств и наше мышление! Не спешите отбрасывать данные научных наблюдений и опытов, а также выдвигаемые на их основе теории только потому, что записи в священных книгах и традиционные предания гласят нечто противоположное! И, как свидетельствует история, на протяжении нескольких веков – и до Бируни, и после – ученым Ближнего и Среднего Востока удавалось успешно отстаивать свой исследовательский плацдарм от внешних вторжений, инспирируемых мусульманскими теологами и иными враждебными науке силами. Правда, в конце концов, силы оказались неравными и, как признают историки науки, экспериментальные методы, которые описывает, например, Бируни в своем трактате по минералогии, оказались невостребованными последующими авторами именно вследствие их несовместимости с нормами шариата и явной потенциальной опасности, которую они представляли для господствующей религиозной парадигмы [20, с. 233]. Впрочем, это относится уже ко всей средневековой арабо-мусульманской науке, как эмпирической, так и теоретической, которая после потери к ней интереса со стороны политархов – султанов, шахов и эмиров – постепенно сошла к XIV–XV векам на нет¹¹.

Возвращаясь к Фейерабенду, следует указать, что его оппозиция философии носит вполне определенный характер: он не против философии как таковой, но против лишь той философии, которая ставит себя *над* наукой и произвольно диктует последней, как, что и в каком объеме ей следует делать¹². За философией однозначно признается ее право выступать против status quo: «Лично я склонен считать, что это одна из самых выдающихся функций философии: критически изучать существующие стандарты, показывать их порочность и упразднить их, предлагая новые стандарты... Эта критическая функция направлена не только против содержания обсуждаемых доктрин, но также и против преобладающих модусов дискуссии..., а также против образа жизни, общепринятого у тех, кто уже находится внутри профессии» [29, с. 317]. При этом, естественно, право на критику не является прерогативой дипломированных философов, а допускается, в принципе, за всяким, кому есть что сказать по поводу «существующих стандартов» и «общепринятого образа жизни» тех, кто стоит на их страже, по существу.

И только такой подход, собственно, может объяснить любой более или менее значимый эпистемологический прорыв: всякий шаг вперед по пути познания универсума есть отрицание прежних «стандартов», то есть догм, традиций и канонов, причем независимо от их природы – будь они внутринаучными, либо экстернальными, фундированными господствующей мифологией, религиозной практикой, деспотизмом власти, обыденными предрассудками и т. д. Наука политаризма здесь не исключение: ученый, чтобы стать автором некоей новации, не может не поставить под вопрос какие-то существенные компоненты имеющейся на сейчас системы знания, не может не отнестись к ним хоть немного критически. При этом ему нужны средства, достаточно убедительные в глазах именно тех, кто не хочет оставить ученых в покое, и поэтому тот же, в частности, Бируни, при случае

¹⁰ Например: «... Христиане – любители послушать [сказки] и считают за правду такие [рассказы], особенно если эти рассказы связаны с их вероучением, и не рассматривают они [дело] со всех сторон, когда проверяют рассказы и исследуют предания» [5, с. 322].

¹¹ «...Еще задолго до Тамерлана многие правители отказывались поддерживать науку – математику, систематическую философию и другие области знания. Более поздние правители Хорезма, например, располагали практически не ограниченными ресурсами, но не считали необходимым тратить их на поддержку науки. Медицина и астрономия/астрология с трудом развивались в некоторых местах и лишь по той причине, что нужны были для поддержания здоровья правителей и предсказаний. Другие области знания забывались, а в некоторых случаях исчезали полностью...» [23, с. 485].

¹² Одной из причин такого безапелляционного произвола, подчеркивает Фейерабенд, остается невежество западных философов науки и вообще интеллектуалов: «Большинство интеллектуалов не имеет ни малейшего представления о достижениях людей, живущих вне рамок западной цивилизации. В этой области мы питались (и, к несчастью, продолжаем питаться) лишь слухами о превосходстве науки по сравнению со всем остальным» [28, с. 395]. Вряд ли стоит уточнять здесь, что к «достижениям людей, живущих (или живших) вне рамок западной цивилизации», безусловно, принадлежит и наука цивилизаций политарного типа. Как подмечает отечественный комментатор Фейерабенда, именно его искренний интерес к тематике, находящейся далеко за рамками собственно философии науки, сочетающийся с обширнейшей эрудицией, вызывает неприязненное и чересчур эмоциональное отношение к нему со стороны соратников по цеху: «Чтение вне программы – одно из ярких свойств Фейерабенда и постоянный источник раздражения для его ученых коллег» [14, с. 355].

привлекает на свою сторону даже Коран, когда нужно найти противовес силовому давлению со стороны разных непрошенных кураторов и цензоров, будь они хоть самими политархами. Так, в «Индии», прозрачно намекая на самодурство и самоуверенность таких субъектов, он напоминает им суры, где Аллах прямо осуждает произвол иных правящих особ и указывает, что есть в мире силы и посильнее их: «Все это хуже, чем слышать такие слова фараона: “Я господин ваш высочайший”¹³ и “Я не знаю для вас другого божества, кроме меня самого”¹⁴» [3, с. 246].

Итак, провозглашаемая Фейерабеном суверенность эпистемологического дискурса, самая широкая свобода его акторов в плане выбора своих исследовательских приоритетов есть необходимое условие и предпосылка научного поиска в любую эпоху, и имеющиеся у нас исторические данные относительно точных и иных наук, складывавшихся в политарных социумах, убедительно это подтверждают.

«Все дозволено!» («Anything goes!»)

Это, по Фейерабенду, «единственный принцип, не препятствующий прогрессу»: «...Не существует правила – сколь бы правдоподобным и эпистемологически обоснованным оно ни казалось, – которое в то или иное время не было бы нарушено» [27, с. 153]. Каждый шаг вперед по пути познания, если он не сводится к рутинной констатации уже известных фактов и концепций, а есть момент движения на пути раскрытия сути вещей, сопровождается борьбой мнений и интенсивной взаимной критикой. Только впоследствии, и притом обычно не окончательно, выясняется, на чьей стороне истина. И так же, как в новой и новейшей науке, в научном дискурсе эпохи политаризма этот шаг не может быть сделан, если некая группа авторитетов, а то и отдельно взятый «духовный фюрер» присваивают себе монопольное право решать, что есть истина (научная, религиозная, художественная, моральная – неважно), а что – ложь. И поэтому в отношении такой вот псевдокогнитивной установки, которую Фейерабенд едко называет «некоторой традицией, выхолощенной с помощью направленного промывания мозгов» [26, с. 63], действительно, «все дозволено». Определяя себя как «*эпистемологического анархиста*», он констатирует, что для него (равно как и для каждого здравомыслящего наблюдателя,

ретроспективно оценивающего историю науки) совершенно очевидно: «...Ее [науки. – В. В.] общепризнанное развитие ... осуществлялось лишь потому, что в пределах своей области ученые непроизвольно руководствовались анархистской философией – они добивались успеха вследствие того, что не позволяли связать себя «законами природы»» [27, с. 334]¹⁵.

Конечно, политарное общество гораздо менее, чем новоевропейское, расположено проявлять терпимость к подобным смелым вызовам. Поэтому ученый, хорошо представляя, как устроен социум – место его обитания, не обязан идти на рожон и публично озвучивать свои возражения против навязываемой ему системы истин и ценностей, оставляя за собой право «действовать по ситуации». Но там, где он «у себя», где он занят – единолично либо в составе небольшой группы соратников – решением какой-то концептуальной эпистемологической проблемы, он не может не придерживаться этого принципиального «все дозволено». Только так он освободит свою мысль от того, что Ф. Бэкон называл «идолами», и увидит вещи в истинном свете. Хотя, разумеется, масштаб этой вседозволенности не безграничен, а форма и содержание гипотез, предлагаемых для преодоления когнитивных трудностей, определяются достигнутым на данный момент уровнем понимания, их релевантностью и приемлемостью в глазах ученого сообщества.

Эпистемологическая «вседозволенность» предполагает критическое, непредвзятое отношение к тем авторитетам, которые позиционируют себя в качестве монопольных обладателей истины, в какой бы оболочке последняя ни представала – религиозной, политической, эпистемологической или иной. Так, Бируни твердо стоит на том, что без «плавки и очистки словесной руды» [4, с. 139] коммуникация между учеными не может быть нормальной и эвристически ценной. Честный служитель науки должен действовать здесь дотошно и принципиально – так, как это делает и сам Бируни: «Мне же следует «сделать пробу» этим словам со всех сторон, ибо я не отказываюсь от принятия истины, в каком бы «руднике» я ее не нашел» [4, с. 140]. Порой такой подход может представляться коллективному мнению ученых гиперкритицизмом и самонадеянностью, что выразил, например, один из современников Бируни, не поддержавший его в полемике по физическим вопросам с Ибн Синой¹⁶: Бируни, мол,

¹³ Коран, сура 79, стих 24.

¹⁴ Коран, сура 28, стих 38.

¹⁵ Ниже Фейерабенд, сделав еще раз вывод об искусственности и вреде разделения «наука – не наука», продолжает: «Если мы действительно хотим понять природу, если мы хотим преобразовать окружающий нас мир, мы должны использовать *все* идеи, *все* методы, а не только небольшую избранную их часть» [27, с. 463].

¹⁶ См. русский перевод: [2].

«дискутировал с Абу Али. Но не его дело углубляться в пучину умозрения. Каждый человек успевает лишь в том, к чему он предназначен создателем» [Цит. по: 20, с. 210]. Однако дальнейшее развитие науки показало, что Бируни, стоявший здесь на позициях опытной науки и выдвигавший аргументы, подкрепленные хорошо ему известными фактами и наблюдениями, был в своих вопросах ближе к истине, чем его не менее великий адресат, выступивший в своих ответах лишь интерпретатором и защитником натурфилософских взглядов Аристотеля.

С Бируни связан один характерный эпизод, на примере которого хорошо видно, как авторитарные окрики и навязываемые сверху стандарты мышления могут задушить в зародыше самую перспективную идею. Стоило только Бируни, сравнивавшему теории Ариабхаты и Брахмагупты, высказать мысль, что «вращательное движение Земли не порочит астрономии, а все астрономические явления протекают в согласии с этим движением» [3, с. 255], то есть, говоря современным языком, предположить равноправность гео- и гелиоцентрического описания наблюдений за небесными светилами, как не только богословы, но и практически весь ученый мир исламского Востока дружно расценил это как, по меньшей мере, странность выдающегося ума или, во всяком случае, идею, не заслуживающую серьезного обсуждения и пребывающую за рамками астрономической науки. Так, спустя два века после Бируни марокканский астроном и математик аль-Маракиши искренне удивлялся, как мог тот усомниться в правильности геоцентрической системы, когда ее придерживались такие научные авторитеты, как Птолемей, ар-Рази и даже великий современник Бируни Ибн Сина [22, с. 47].

Описанный казус хорошо согласуется с одним из следствий фейерабендовского «Anything goes!», а именно с защитой права на существование маргинальных идей и традиций, не вписывающихся на данный момент в господствующую парадигму и потому подвергающихся разнообразным гонениям, притеснениям, замалчиванию и пр. Автор «Науки в свободном обществе» убежден, что вопрос об истинности подобных идей никак не должен решаться силовыми средствами, пусть это даже сила общественного мнения воображаемого консилиума авторитетных ученых: «Традиции порой устраняются благодаря силе, а не в результате

«автономного» естественного развития. Ценное знание может быть уничтожено давлением внешних обстоятельств, а не тем, что была обнаружена его порочность ... Мир, в котором мы живем, имеет много сторон, аспектов много потенциальных возможностей. Сомневающиеся, маргинальные мыслители, мечтатели, утописты *имеют реальный шанс* (а не только логическую возможность) сделать открытие, до которого не могут дотянуться признанные традиции» [26, с. 242]¹⁷.

Как видим, попытка Бируни поставить под сомнение тогдашнюю гегемонию геоцентризма не получила отклика и развития даже среди его товарищей по научному цеху и вообще оказалась забытой на много веков, как и идея Ариабхаты, высказанная несколькими веками раньше. Однако очевидно, что при иных обстоятельствах эта идея, предполагавшая радикальный пересмотр отношения к «самоочевидным» чувственным данным, вполне могла бы рассчитывать на более благоприятный прием и имела куда более благоприятные перспективы. Если бы во времена политаризма сами ученые мыслили свободнее (больше бы «дозволяли» друг другу и меньше склонялись перед авторитетами), то гелиоцентризм, возможно, вошел в астрономический дискурс, хотя бы в качестве достойной обсуждения гипотезы, лет на 500 раньше системы Коперника.

История восточных цивилизаций дает нам немало примеров и того, как вполне презентабельная и сравнительно успешная традиция, причем далеко не истратившая свой эвристический потенциал, либо низводилась до маргинального уровня, либо вообще изгонялась из эпистемологического дискурса. И причиной тому, как правило, становились внешние обстоятельства – внешние по отношению к данному политическому режиму вообще или же по отношению к данному состоянию науки, в частности. Традиция гибла не потому, что она морально устаревала и уже не соответствовала ушедшей вперед научной теории и эмпирической практике, а просто по причине мощного социально-политического катаклизма или хотя бы резкой переориентации правящей элиты на новые ценности.

Особенно богата на события такого рода история Китая. После падения одной династии и установления на ее обломках другой утрачивались, и порой безвозвратно, многие специальные знания, и ученые нового поколения вынуждены были начинать чуть ли не с нуля. Математические книги, которые когда-то

¹⁷ В более поздней работе Фейерабенд формулирует следующий тезис, который играет роль логико-методологической и морально-психологической опоры для концепций, оказавшихся на текущий момент в стороне от эпистемологического мейнстрима: «Для каждого утверждения (теории, концепции), которое с хорошим основанием считается истинным, *могут найтись* аргументы, показывающие, что либо противоположное утверждение, либо его более слабая альтернатива истинны» [28, с. 97]. А ниже предлагает данный тезис еще и усилить посредством модального перехода от возможности к действительности: «Для каждого утверждения, теории, точки зрения, которые приняты (считаются истинными), *существуют* аргументы, показывающие, что конкурирующая альтернатива по крайней мере столь же хороша, а может быть, даже лучше» [28, с. 100].

считались настолько доступными, что входили в программу для подготовки к государственным экзаменам для получения звания *шэньши*, оказывались слишком сложными для нового поколения соискателей, изымались из программ, а потом и вообще терялись¹⁸. Множество географических карт, составленных в 1405–1433 годах на основе семи дальних морских экспедиций под руководством евнуха Чжэн Хэ, доходившего до восточного побережья Африки, было уничтожено потому лишь, что императорский двор (причем при правлении той же самой династии Мин) посчитал, что такие плавания разорительны для государства, что пользы от них нет, а сами карты содержат лживые сведения [11, с. 246]. После того, как при династии Цин при дворе закрепились иезуиты во главе с Фердинандом Вербистом, Пекинская обсерватория в 1679 году была не просто переоборудована по последнему слову техники, но фактически исчезла, поскольку у аппаратуры ее почти ничего не осталось¹⁹.

Пол Фейерабенд с сочувствием описывает, как прекращают существование традиционные культуры (мифологии, обычаи, методы целительства и т. д.) под неудержимым напором западной цивилизации, и решительно отстаивает их право на самобытность, параллельно ратуя за необходимость тщательного, объективного их изучения и выяснения того, нет ли у них «своей правды», своих существенных достоинств, позволивших им более или менее эффективно функционировать в течение многих веков. Эту установку философа вполне уместно обратить и на традиционную науку стран Востока: чтобы понять, как она работала и чего достигла, следует, во-первых, признать ее собственные, аутентичные методы «дозволенными», то есть вполне адекватными тем целям, которые ставили перед собой ученые того времени, а во-вторых, не ограничиваться в изучении точных наук политарного строя наперед заданными шаблонами нынешней эпистемологии, а использовать здесь все богатство мето-

дов, которые находятся в распоряжении современных научных дисциплин – и естественных, и социально-гуманитарных, и философских²⁰.

Отделение науки от государства

«Наука является одной из множества идеологий и ее следует отделить от государства так, как ныне отделена от него Церковь» [26, с. 157]. Сращивание науки с государством, по Фейерабенду, представляет собой угрозу для научного прогресса, по крайней мере, в двояком отношении. Оказавшись в подчинении у государственных чиновников, ученые, во-первых, обрекают себя на примитивный, узколобий практицизм, на решение лишь тех прикладных задач, которые ставит перед ними всеильный заказчик в лице госаппарата, произвольно определяющего приоритеты исследовательской работы. Во-вторых, ученые оказываются скованными еще и в теоретическом плане, поскольку всякое государство руководствуется, по выражению Фейерабенда, «мифами сегодняшнего дня», отдавая предпочтение какой-либо одной школе или системе воззрений и всевозможными способами (хотя бы путем лишения финансирования или ограничения доступа к преподаванию и публикациям) подавляя альтернативные школы и воззрения. Классический пример, своего рода вырожденный, предельный случай – это школа Лысенко в советской биологии 1930–1950-х гг. [27, с. 364, 462–463], но с аналогичным административным диктатом, пусть и в ослабленной форме, приходится сталкиваться ученым и в демократических странах.

«Управленцев необходимо сдерживать, им не дозволено вмешиваться в занятия людей мыслящих и (как я надеюсь) побуждающих мыслить других» [29, с. 315–316], – настаивает философ и предупреждает еще о том, что опасность науке грозит не только от государства с его близоруким прагматизмом и алчными запросами военно-промышленных структур²¹, но и со

¹⁸ Речь идет о книге Цзу Чжи (429–500) «Чжуй шу» («Методы интерполяции»). На протяжении ряда веков эпохи Тан (VII–X вв.) она считалась вполне доступной для среднеобразованного человека и фигурировала в программах императорских экзаменов первой ступени. Однако при новой династии Сун она уже с трудом воспринималась даже экзаменаторами и в XI веке была изъята из программ, а вскоре и окончательно утрачена [12, с. 54].

¹⁹ «Астрономические инструменты эпох Юань и Мин были сняты и разобраны, а взамен установлен комплект инструментов, разработанных на основе идей европейской науки. По предложению Вербиста большая часть старых астрономических инструментов была переплавлена на металл, что, по сути, ознаменовало прекращение существования традиционной китайской астрономии» [13, с. 88].

²⁰ Вот еще одно принципиальное высказывание Фейерабенда, которое в полном объеме следует отнести и к политарной науке: «Мы должны согласиться с тем, что многие ценности и многие культуры прекратили свое существование, они были уничтожены и теперь едва ли кто-либо помнит о них. Однако это не означает, что мы ничему не можем у них научиться» [28, с. 397].

²¹ Есть, к сожалению, сейчас среди ученых мужей и такие, которые сами идут навстречу военным и уже почти не видят грани, где кончаются интересы науки и начинаются интересы ВПК: «Сегодня многие ученые активно выступают за ядерное разоружение. Однако есть и другие ученые, для которых интересы научного исследования выше разрядки напряженности между странами ... Стремление ученых продолжать играть в свою научную игру наиболее простым и эффективным образом оказывается выше вопросов мира и выживания человечества ... Западная цивилизация ныне так высоко ценит эффективность, что иногда высказываемые этические возражения кажутся «наивными» и «ненаучными». Эта цивилизация многими своими чертами напоминает «дух Освенцима»» [28, с. 429].

стороны все больше сращивающегося с государством бизнеса: «...Сегодня многие ветви науки превратились в бизнес и их целью теперь является не поиск истины с помощью самокоррекции (если это и было когда-то целью), а поиск денег. Упадок представляется как успех в достижении именно этой цели, повсеместно воцаряются ложь и саморазрушение» [26, с. 364].

Рассмотрение реалий политаризма под таким углом зрения свидетельствует, что в этом вопросе далеко не все так однозначно. Бесспорно, были такие масштабные научные проекты, которые в этом обществе никак не могли быть реализованы без поддержки и активного участия государства. Без материальной и финансовой помощи из казны правителей невозможно было бы организовать экспедиции по измерению длины градуса земного меридиана – в Китае эпохи Тан (725 г., руководитель – Нань Гуншо) и на Ближнем Востоке примерно веком позже (инициатор и спонсор – халиф аль-Мамун). Астрономы не смогли бы получить в свое распоряжение богатейший эмпирический материал, если бы не функционировали продолжительное время успешные государственные обсерватории – такие, как в Исфахане и Мараге (Иран), в Самарканде (построена в XV в. Улугбеком), Чжоугунская, Пекинская и Тайчэнская (Нанкин) в Китае [24, с. 94–96, 102–103]. Благодаря немалым субсидиям китайских императоров, веривших в возможность обретения физического бессмертия, даосские алхимики фактически имели карт-бланш на приобретение любых нужных реактивов и организацию крупных лабораторий, в которых получали самые разнообразные экспериментальные данные. В государственных библиотеках сосредотачивалась практически вся научная литература, имевшаяся в стране на данный момент, а иногда и доставленная сюда из далеких краев.

В то же время, Фейерабенд, конечно, прав в том отношении, что благоволение ученым мужам, которым отличались отдельные правители и целые их династии, редко когда бывало бескорыстным. Исследования в государственных учреждениях типа «домов жизни» в Египте времен фараонов, «домов мудрости» в Халифате или академии Ханьлинь [18; 19], функционировавшей в Китае с 738 г. вплоть до революции 1911 г., находились под строгим надзором правитель-

ственных уполномоченных, ставивших перед учеными вполне конкретные задачи и придирчиво контролировавших расходование выделяемых средств. Более того, сама работа здесь велась, как правило, в режиме повышенной секретности, что препятствовало свободной коммуникации между учеными, а полученные результаты оседали в спецхранах и оказывались вне зоны живого эпистемологического дискурса²². Поэтому неудивительно, что кид такого поиска оказывался весьма низким и, во всяком случае, несопоставимым с объемом тех ресурсов, которыми обеспечивались подобные заведения.

Аналогичная ситуация сложилась и на мусульманском Востоке. Если в IX–XII вв. ученым здесь еще удавалось успешно сочетать теорию с практикой, доказывая свою нужность правителям и высвобождая себе время и возможности для занятий фундаментальными проблемами, то в дальнейшем делать это им приходилось со все большим трудом. После опустошительного монгольского завоевания XIII века точные науки еще продолжали по инерции развиваться, но уже лишь потому, что монгольские ханы, убеждаемые интеллектуалами-советниками типа выдающегося математика ат-Туси, поддерживали их вследствие практического значения [1, с. 134]. Но этой поддержки вкупе с популярными еще заказами на гороскопы хватило ненадолго, да и само тотальное подчинение теории практике с решительным приматом прикладной науки²³ достаточно быстро привело к исчезновению на арабо-мусульманском Востоке не только науки теоретической, но и науки вообще.

Таким образом, если не абсолютизировать вышеуказанный призыв Фейерабенда, а рассматривать его конкретно-исторически, то рациональный смысл его налицо. Сделка ученого с государством оказывается палкой о двух концах. Способствуя, безусловно, решению тех научных проблем, которые требуют мощной финансовой и материальной поддержки, она одновременно ставит науку в зависимое положение просителя и прислуги. Чем более содержание и направление исследований диктуются двором, вельможами и вообще различными влиятельными персонами, тем менее свободен ученый в выборе эпистемологических приоритетов. И в этих условиях в более выигрышном положении оказываются, как ни парадоксально, те отрасли знания (например, математика), которые почти

²² Как подчеркивает современный исследователь естественных наук в императорском Китае, частные лица здесь вообще были лишены права изучать, например, астрономию: «Не санкционированное властью занятие астрономией ... могло рассматриваться как попытка создания каких-либо новых неортодоксальных астрономических теорий или изменения календаря с целью свержения династии. Такой подход тормозил развитие астрономии, но исправно служил политическим целям» [10, с. 103].

²³ «Многие важные результаты не получили теоретического развития в трудах более поздних восточных математиков», поскольку «после XIII в. интересы математиков стран ислама все более направляются на решение практических задач... Практические вопросы постепенно оттесняли на задний план чисто теоретические проблемы» [15, с. 263].

ничего не требуют от государства и потому не обязаны отчитываться перед ним за полученные гранты и преференции. Именно такое невнимание со стороны государева ока порой становится для этих дисциплин подлинным благом.

Заключение

Итак, близкое знакомство с теми условиями, в которых осуществлялся научный поиск в политарных социумах, показывает, что сформулированные Полом Фейерабеном критерии вполне релевантны для объяснения и выявления тех причин, которые, с одной стороны, обеспечивали эффективность и результативность этого поиска, а, с другой, тормозили научно-когнитивные процессы, делая иногда эвристическую деятельность практически невозможной. По сути, именно те факторы, которые сформировали

благоприятную конъюнктуру для исследовательской работы на европейском континенте, начиная с эпохи Возрождения, играли аналогичную позитивную роль и ранее, на протяжении многих веков, на политарном Востоке. И то же самое следует сказать о факторах негативных и деструктивных. Там, где ученый мир смог обрести более или менее прочную субъектность, организовать как самостоятельное исследовательское сообщество, вероятность получения значимых научных открытий резко повышалась. И наоборот, там, где обстоятельства превращали талантливую личность в своего рода ученую обслугу, в агента по решению заурядных задачек рецептурно-прикладного характера, серьезный эпистемологический дискурс, в целом, оказывался в застое, быстро деградировал и прекращался.

Литература

1. Бартольд В. В. Улугбек и его время // Бартольд В. В. Сочинения. – Т. 2, ч. 2. – М.: Наука, 1964. – С. 23–196.
2. Бируни и Ибн Сина. Переписка (Абу Райхана и Абу Али Ибн Сина). – Ташкент: Фан, 1973. – 36 с.
3. Бируни А. Индия: Пер. с араб. – М.: Ладомир, 1995. – 727 с.
4. Бируни А. Р. Избранные произведения. – Т. III. Геодезия. – Ташкент: Фан, 1966. – 361 с.
5. Бируни А. Р. Избранные произведения. – Т. I. Памятники минувших поколений. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – 488 с.
6. Вайман А. А. Шумеро-вавилонская математика III – I тыс. до н. э. – М.: Изд. вост. лит-ры, 1961. – 280 с.
7. Васечко В. Ю. Наука в политарном обществе: приключения и судьбы ученых в цивилизациях древнего и средневекового Востока: монография. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 373 с. – <https://doi.org/10.12737/1831655>.
8. Васечко В. Ю. Ученый в политарном социуме: сопряженность профессионального и смысложизненного дискурса // Дискурс-Пи. – 2017. – № 2 (27). – С. 48–57. – EDN: YLUPCT.
9. Визгин В. П. Наука в ее истории: взгляд философа. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 696 с.
10. Еремеев В. Е. Астрономия // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 102–139.
11. Еремеев В. Е. География // Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 226–248.
12. Еремеев В. Е. Математика // Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 52–95.
13. Еремеев В. Е. Символы и числа «Книги перемен». – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Ладомир, 2005. – 600 с.
14. Зацепин В. Философское наследие Пола К. Фейерабенда // Фейерабенд П. Убийство времени: автобиография. – М.: Rosebud Publishing, 2020. – С. 345–362.
15. Матвиевская Г. П. Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке. – Изд. 2 – М.: URSS, 2012. – 344 с.
16. Нейгебауер О. Точные науки в древности / Пер. с англ. Е. В. Гохман. – 2 изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
17. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
18. Попова Л. В. Ханьлинь // Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. – Т. 1. – М.: Вост. лит., 2006. – С. 475.
19. Попова Л. В. Академия Ханьлинь – важнейший орган государственного управления Китайской империи // Материалы XXIV НК ОГК. Ч. 1. – М.: Вост. лит., 1993.
20. Розенфельд Б. А., Рожанская М. М., Соколовская З. К. Абу-р-Райхан ал-Бируни: 973–1048: монография. – М.: УРСС, 2014. – 272 с. – EDN: STFCZP.
21. Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России: философско-исторические очерки. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 376 с.

22. Сираждинов С. Х., Матвиевская Г. П., Ахмедов А. Математика и астрономия у Беруни. – Ташкент: Фан: 1973. – 48 с.
23. Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблшер, 2017. – 574 с.
24. Старцев П.А. Очерки истории астрономии в Китае / Под ред. проф. В. П. Щеглова. – М.: Физматгиз, 1961. – 156 с.
25. Тулмин Ст. Человеческое понимание / Пер. с англ. З. В. Кагановой. – М.: Прогресс, 1984. – 328 с.
26. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 378 с.
27. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А. Л. Никифорова. – М.: Прогресс, 1986. – С. 125–466.
28. Фейерабенд П. Прощай, разум / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 480 с.
29. Фейерабенд П. Убийство времени. Автобиография / Пер. с англ. В. Зацепина. – М.: Rosebud Publishing, 2020. – 368 с.
30. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 339–626.
31. Feyerabend P. K., Agassi J. (1976) Comments and replies. *Philosophia* 6, pp. 177–191. Available at: <https://doi.org/10.1007/BF02383264> (accessed: 08.12.2023).
32. Gellner E. (1975) Beyond Truth and Falsehood, *British Journal for the Philosophy of Science*. Vol. 26, pp. 331–342.
33. Hoyningen-Huene P. (2002) Paul Feyerabend und Thomas Kuhn, *Journal for General Philosophy of Science*. Vol. 33, pp. 61–83.
34. Motterlini M. (ed.) (1999) *For and Against Method: Imre Lakatos and Paul Feyerabend*, University of Chicago Press, 451 p.
35. Putnam H. (1981) *Reason, Truth and History*, Cambridge, pp. 113–126.

References

1. Bartol'd, V. V. (1964) [Ulugbek and his time]. *V. V. Bartol'd. Sochineniya* [V. V. Bartold. Works]. Vol. II (2). Moscow: Science, pp. 23–196.
2. Beruni i Ibn Sina (1973) *Perepiska* [Correspondence]. Tashkent: Fan, 36 p.
3. Biruni, A. R. (1995) *Indiya* [India]. Moscow: Ladimir, 727 p.
4. Biruni, A. R. (1966) [Defining the boundaries of places to clarify the distances between settlements]. A. R. Biruni. *Izbrannye proizvedeniya* [A.R. Biruni. Selected works]. Vol. III. Tashkent: Fan, 361 p. (In Russ.).
5. Biruni, A. R. (1957) [Monuments of past generations]. *A. R. Biruni. Izbrannye proizvedeniya* [A. R. Biruni. Selected works]. Vol. I. Tashkent: AN UzSSR Publishing House, 488 p. (In Russ.).
6. Vajman, A. A. (1961) *Shumero-vavilonskaya matematika III – I tys. do n. e.* [Sumerian-Babylonian Mathematics of the III – I Millennia BC]. Moscow: Oriental Literature Publishing House, 280 p.
7. Vasechko, V. Yu. (2022) *Nauka v politarnom obshchestve: priklyucheniya i sud'by uchenyh v civilizaciyah drevnego Vostoka* [Science in politary society: Adventures and destinies of scientists in the civilizations of the Ancient East]. Moscow: INFRA-M, 373 p.
8. Vasechko, V. Yu. (2017) [Scientist in politary society: conjugation of professional and meaningful life discourse]. *Diskurs-Pi*. Vol. 2 (27), pp. 48–57. (In Russ.).
9. Vizgin, V. P. (2020) *Nauka v ee istorii: vzglyad filosofa* [Science in its history: a philosopher's view]. Moscow: Publishing House YaSK, 696 p. (In Russ.).
10. Ereemeev, V. E. (2009) [Astronomy]. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: Enciklopediya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Oriental Literature Publishing House, pp. 102–139. (In Russ.).
11. Ereemeev, V. E. (2009) [Geography]. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: Enciklopediya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Oriental Literature Publishing House, pp. 226–248. (In Russ.).
12. Ereemeev, V. E. (2009) [Mathematics]. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: Enciklopediya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Oriental Literature Publishing House, pp. 52–95. (In Russ.).
13. Ereemeev, V. E. (2005) *Simvolyy i chisla «Knigi peremen»* [Symbols and numbers of the Book of Changes]. Moscow: Ladimir, 600 p.
14. Zacepin, V. (2020) [The Philosophical legacy of Paul K. Feyerabend]. *P. Fejerabend. Ubijstvo vremeni*

[P. Fejerabend. Killing Time]. Moscow: Rosebud Publishing, pp. 345–362. (In Russ.).

15. Matvievskaya, G. P. (2012) Uchenie o chisle na srednevekovom Blizhnem i Srednem Vostoke [The doctrine of number in the Medieval Middle East]. Moscow: URSS, 344 p.

16. Nejgebauer, O. (2003) Tochnye nauki v drevnosti [The Exact Sciences in Antiquity]. Moscow: Editorial URSS, 240 p.

17. Polani, M. (1985) Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy]. Moscow: Progress, 1985, 344 p.

18. Popova, L. V. (2006) [Hanlin]. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: Enciklopediya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Oriental Literature Publishing House, p. 475. (In Russ.).

19. Popova, L. V. (1993) [Hanlin Academy is the most important organ of state administration in the Chinese Empire]. Materialy XXIV NK OGGK [Proceedings of the XXIV scientific conference «Society and State in China»]. Vol. 1. Moscow: Oriental Literature Publishing House. (In Russ.).

20. Rozenfel'd, B. A., Rozhanskaya, M. M., Sokolovskaya, Z. K. (2014) Abu-r-Rajhan al-Biruni. 973 – 1048 [Abu'r Rayhan al-Biruni. 973–1048]. Moscow: URSS, 2014, 272 p.

21. Semenov, Yu. I. (2011) Politarnyj («aziatskij») sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii [The politary («Asian») mode of production: essence and place in the history of mankind and Russia]. Moscow: LIBROKOM Publishing House, 376 p.

22. Sirazhdinov, S. H., Matvievskaya, G. P., Ahmedov, A. (1973) Matematika i astronomiya u Beruni [Mathematics and Astronomy at Beruni's]. Tashkent: Fan, 48 p.

23. Starr, S. F. (2017) Utrachennoe Prosveshchenie: Zolotoj vek Central'noj Azii ot arabskogo zavoevaniya do vremen Tamerlana [Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane]. Moscow: Alpina Publisher, 574 p.

24. Starcev, P. A. (1961) Ocherki astronomii v Kitae [Essays on Astronomy in China]. Moscow: Fizmatgiz, 156 p.

25. Tulmin, S. (1984) Chelovecheskoe ponimanie [Human Understanding]. Moscow: Progress, 328 p.

26. Fejerabend, P. (2010) Nauka v svobodnom obshchestve [Science in a Free Society]. Moscow: AST: AST MOSCOW Publishing, 378 p. (In Russ.).

27. Fejerabend, P. (1986) [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. P. Fejerabend. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on the Methodology of Science]. Moscow: Progress, pp. 125–466. (In Russ.).

28. Fejerabend, P. (2010) Proshchaj, razum [Farewell to Reason]. Moscow: AST: Astrel Publishing, 480 p. (In Russ.).

29. Fejerabend, P. (2020) Ubijstvo vremeni: avtobiografiya [Killing Time: An Autobiography]. Moscow: Rosebud Publishing, 368 p.

30. Engel's, F. (1961) [Dialectics of Nature]. *Marks K. i Engel's F. Sochineniya, 2-e izd.* [Marx K. and Engels F. Works, 2nd edition]. Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat, pp. 339–626. (In Russ.).

31. Fejerabend, P. K., Agassi J. (1976) Comments and replies. *Philosophia* 6, pp. 177–191. Available at: <https://doi.org/10.1007/BF02383264> (accessed: 08.12.2023). (In Eng.).

32. Gellner, E. (1975) Beyond Truth and Falsehood, *British Journal for the Philosophy of Science*, vol. 26, pp. 331–342. (In Eng.).

33. Hoyningen-Huene, P. (2002) Paul Fejerabend und Thomas Kuhn, *Journal for General Philosophy of Science*, vol. 33, pp. 61–83. (In Eng.).

34. Motterlini, M. (ed.) (1999) *For and Against Method: Imre Lakatos and Paul Fejerabend*, University of Chicago Press, 451 p. (In Eng.).

35. Putnam, H. (1981) *Reason, Truth and History*, Cambridge, pp. 113–126. (In Eng.).

Информация об авторе:

Вячеслав Юрьевич Васечко, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права, Уральское отделение Российской Академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-1808-4404, **ResearcherID:** K-2505-2018

e-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 27.01.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vyacheslav Yurievich Vasechko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1808-4404, **Researcher ID:** K-2505-2018

e-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

The paper was submitted: 27.01.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The author has read and approved the final manuscript.